

УДК 340.1

К ВОПРОСУ О ПРОТИВОРЕЧИВОСТИ ЦЕЛЕЙ И ПРИНЦИПОВ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ (НАКАЗАНИЯ)

© 2017 г.

В.А. Толстик

Нижегородская академия Министерства внутренних дел России, Н. Новгород

tolstikva@mail.ru

Поступила в редакцию 07.11.2017

Акцентируется внимание на противоречивости, существующей в современном российском законодательстве и отечественной юридической доктрине применительно к целям и принципам юридической ответственности (наказания). Анализируются противоречия как внутри целей и принципов юридической ответственности, так и между этими явлениями, а также предложены пути их разрешения.

Ключевые слова: юридическая ответственность, наказание, цели, принципы, превенция, исправление, справедливость, гуманизм.

Комплексный анализ проблемы противоречивости целей и принципов юридической ответственности (наказания) предполагает выявление и изучение различных противоречий, возникающих: а) внутри каждой отдельной цели; б) внутри каждого отдельного принципа; в) между различными целями; г) между различными принципами; д) между целями и принципами; е) между целями и практикой их достижения; ж) между принципами и практикой их реализации.

В настоящей статье внимание будет акцентировано на некоторых существенных, с нашей точки зрения, противоречиях и предложены пути их разрешения.

Следуя принципу понятийной определенности, отметим, что наказание, цели и принципы юридической ответственности (наказания) будут пониматься традиционно. Наказание как мера государственного принуждения, назначаемая за совершенное правонарушение. Цели как конечный результат, на достижение которого направлено наказание, а принципы как основополагающие идеи, лежащие в основе изучаемого явления.

Какие цели российский законодатель поставил перед наказанием?

Анализ лишь некоторых нормативных источников уже позволяет увидеть определенные различия. Так, в ч. 2 ст. 43 УК РФ установлено: «Наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений». Здесь мы видим три цели: 1) восстановление социальной справедливости; 2) исправление осужденного; 3) предупреждение совершения новых преступлений.

Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации имеет своими целями

исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами (ст. 1 УИК РФ). В данной норме закреплены лишь две цели. При этом отсутствует цель восстановления социальной справедливости.

Несколько иначе вопрос о целях наказания решен в КоАП РФ: «Административное наказание является установленной государством мерой ответственности за совершение административного правонарушения и применяется в целях предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами» (п. 1 ст. 31.1 КоАП РФ). Здесь только одна цель.

Еще более противоречиво вопрос о целях наказания решается в юридической доктрине. Так, профессор Р.А. Ромашов в дополнение к ранее отмеченным целям называет покаяние, то есть осознание и признание лицом своей вины в отношении как конкретного пострадавшего, так и государства и общества [1, с. 37].

В целом же, по подсчетам Н.Д. Сергиевского, целям наказания посвящены 24 философских и более 100 юридических концепций [2, с. 443].

Здесь уместно вспомнить Канта, который более 200 лет назад не без иронии заметил, что ученые до сих пор ищут определение понятия права. Более того, такие поиски продолжаются и сегодня. При этом в работах по философии права и общей теории государства и права нередко вопрос о правопонимании называют основным вопросом юриспруденции.

Для себя вопрос правопонимания я решил в 2004 году, опубликовав в журнале «Государство и право» статью «От плюрализма правопонимания к борьбе за содержание права» [3, с. 12–21]. В 2008 году в соавторстве с Н.А. Трусовым была опубликована монография «Борьба за содержание права» [4].

Лейтмотив данных работ – пора перестать паразитировать на проблеме правопонимания и переходить к решению действительно значимых проблем – обеспечению соответствия содержания права доминирующим в обществе ценностям, с одной стороны, и претворению действующих правовых предписаний в правомерное поведение субъектов правоотношений – с другой.

Возвращаясь к проблеме понимания целей наказания и принимая во внимание их многообразие, уместно задаться вопросом – перед нами закономерный научный дискурс или то же паразитирование?

Прилагательное «закономерный» употреблено не случайно. Каковы причины понятийного плюрализма целей наказания? Есть ли объективные основания для столь обширного многообразия?

Н.С. Таганцев, соглашаясь с немецким ученым Мелем, объяснял это тем, что наказание подобно двуликому Янусу. Одним лицом оно обращено к прошлому – к уже совершенному преступлению и его субъекту, другим – к будущему, к исправлению осужденного, дабы по отбытии наказания он более не совершал преступления [2, с. 444].

И действительно, вопрос о том, чего хочет государство: наказать за уже совершенное деяние или наказать для того, чтобы правонарушитель впредь не совершал правонарушений, или оно хочет и того и другого, – имеет первостепенное значение в том числе и потому, что от его решения зависит то, как наиболее целесообразно должны быть использованы ресурсы не только уголовно-исполнительной системы, но и государства в целом.

Совершенно очевидно, что главное социальное предназначение наказания в том, чтобы обеспечить правопорядок. А, следовательно, основной целью наказания должна быть признана цель предупреждения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами. Или, иначе говоря, такой целью должна быть частная и общая превенция.

К. Маркс писал: «Наказание есть не что иное, как средство самозащиты общества против нарушений условий его существования» [5].

Нормальные условия существования общества не будут нарушаться тогда, когда ни сам правонарушитель, ни иные лица впредь не будут совершать правонарушения. Основным инструментом, на который во все времена и в первую очередь рассчитывало государство, является страх (угроза наказанием). В древнерусском праве для характеристики общей превенции наказания употреблялись выражения «дабы другим неповадно было» или «чтобы другие

убоялись» и т.п. К примеру, ст. 6 гл. XXII Соборного уложения 1649 г. устанавливала, что за блудную жизнь и убийство незаконнорожденных детей «казнить смертью безо всякой пощады, чтобы на то глядя, иные такова беззаконного и скверного дела не делали и от блуда унялись» [6]. И сегодня идея устрашения с целью предупреждения совершения правонарушений проходит красной нитью сквозь законодательство всех государств. В само определение понятия преступления законодатель включил самостоятельный признак – угрозу наказанием: «Преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания» (ч. 1 ст. 14 УК РФ).

Однако достигается ли цель предупреждения правонарушений посредством угрозы наказания? Для того чтобы ответить на этот вопрос, надо посмотреть на уровень рецидива. По данным МВД России о состоянии преступности за январь – сентябрь 2017 года, больше половины (57.6%) расследованных преступлений совершено лицами, ранее совершавшими преступления [7]. Оценивая приведенный показатель, можно было бы сделать вывод о неэффективности не только пенитенциарной политики, но и российской правоохранительной системы в целом.

Но будет ли такой вывод справедливым? Для ответа на этот вопрос необходимо понять, почему, в силу каких причин не работают частная и общая превенция.

Если мы имеем столь высокий уровень преступности, причем как общей, так и рецидивной, то это означает лишь одно. Дело не только, а может быть, и не столько в неэффективности существующей системы наказаний и практике их исполнения. Дело в том, что проблема преступности не может быть решена только посредством наказания. Его ресурс имеет вполне определенные пределы. Непонимание этой очевидной истины приводит к тому, что как в массовом общественном сознании, так и в профессиональном сознании продолжают культивироваться идеи бесконечного ужесточения наказания.

Однако понять, что линейное мышление здесь не работает, многие не могут. В данном случае требуется комплексный системный подход. До тех пор пока не будут минимизированы социальные причины преступности, рассчитывать на сколько-нибудь существенное снижение преступности нельзя. И только наказание здесь, увы, не поможет.

Отсюда следует важный вывод: предупреждение совершения новых правонарушений не может являться только и исключительно целью наказания. Это цель, за реализацию которой должно отвечать государство и общество в целом.

Далее обратимся к двум другим целям, закрепленным в УК РФ.

Цель «восстановление социальной справедливости» чаще всего трактуется в контексте принципа справедливости: «Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление» (ст. 6).

Но разве принцип и цель это одно и то же? Думается, что нет.

Некоторые авторы в объем понятия «цель восстановления социальной справедливости» не только включают реализацию идеи соразмерности, но и обращают внимание на необходимость возмещения вреда и восстановления нарушенных преступлением социальных интересов. Рационально этот вопрос решен в уголовном законодательстве Китая. В ст. 31 УК Китая предусмотрено, что если потерпевший понес материальные убытки, то преступник, кроме наказания в соответствии с положениями кодекса, должен быть приговорен к возмещению материальных убытков.

С нашей точки зрения, необходимость возмещения причиненного правонарушением вреда вытекает из самой сущности правонарушения. Г.Ф. Шершеневич выделял социальную и юридическую сущность правонарушения. По его мнению, юридическая сущность – в противоправности, социальная сущность – в общественной опасности, то есть причинении вреда [8]. И с этой точки зрения, совершенно логичным представляется возмещение вреда рассматривать в качестве самостоятельной цели наказания.

А «присутствие» справедливости в процессе назначения наказания может быть в полной мере восполнено реализацией соответствующего принципа.

Не менее противоречива и цель «исправление осужденного». Здесь следует обратить внимание на два значимых, с нашей точки зрения, аспекта.

Во-первых, не все наказания направлены на достижение цели «исправление». Вполне очевидно, что исключительная мера наказания – смертная казнь не может преследовать цель исправления, она ориентирована на безусловную реализацию частной превенции и цель общей превенции, а также реализацию принципа справедливости. Следовательно, исправление не является универсальной целью для всей системы наказаний.

Далее следует выяснить, какой смысл вкладывается в понятие «исправление». Ответ на

этот вопрос мы находим в ч. 1. ст. 9 УИК РФ: «Исправление осужденных – это формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения».

Сразу возникает вопрос: насколько обоснованно выделение такой цели? Есть ли необходимость исправления в таком понимании? И возможно ли оно в принципе?

Отвечая на эти вопросы, уместно обратиться к авторитету М.Д. Шаргородского, который в своей фундаментальной работе «Наказание, его цели и эффективность», справедливо отметил: «Нравственно воспитать человека далеко не всегда удается даже в условиях нормальной семьи, школы и коллектива, тем более утопично ставить подобную задачу перед мерами уголовного наказания, где речь идет о наиболее трудном для воспитания контингенте и где условия... значительно затруднены» [9].

С точки зрения интересов отдельных лиц, общества и государства не имеет принципиального значения то обстоятельство, насколько осужденный внутренне согласен с принципами и ценностями других лиц. Изменить внутренние личностные установки и ориентацию посредством внешнего силового воздействия вряд ли возможно.

Таким образом, весь позитивный смысл цели исправления осужденного полностью охватывается целью частной превенции и с этой точки зрения выделение ее в качестве самостоятельной цели является излишним.

Немало противоречий существует в области принципов наказания. В их числе, например, явное противоречие, возникающее между сделкой со следствием и принципом неотвратимости юридической ответственности (в США), противоречие между принципом равенства и принципом индивидуализации наказания и целый ряд других. Понятно, что в каждом отдельном таком случае требуется комплексное осмысление проблемы.

В рамках данной статьи несколько подробнее остановимся на принципе гуманизма. Уголовный кодекс РФ принцип гуманизма определил следующим образом: «Уголовное законодательство Российской Федерации обеспечивает безопасность человека. Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства» (ст. 7).

Требования принципа гуманизма, вытекающие из приведенной нормы уголовного права,

весьма существенно дополняются нормами международного права. Так, в правиле 60 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными, принятых на первом Конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, состоявшемся в Женеве в 1955 году, и одобренных Экономическим и Социальным Советом в его резолюциях 663 С (XXIV) от 31 июля 1957 года и 2076 (LXII) от 13 мая 1977 года, установлено: «Режим, принятый в заведении, должен стремиться сводить до минимума ту разницу между жизнью в тюрьме и жизнью на свободе, которая убивает в заключенных чувство ответственности и сознание человеческого достоинства».

При этом концепция развития УИС России до 2020 года в качестве одной из основных целей проводимой реформы называет «повышение эффективности работы учреждений и органов, исполняющих наказание, до уровня европейских стандартов обращения с осужденными и потребностей общественного развития».

В последнее время в Европе, особенно в тех странах (например, в Норвегии), где в значительной степени реализовано приведенное правило, ведутся ожесточенные споры о явной несправедливости того, что заключенные живут в относительной «роскоши» при том, что условия жизни малоимущих или престарелых законопослушных граждан несравненно хуже.

Вполне оправдан вопрос: должны ли заключенные содержаться в более комфортных условиях, чем условия, в которых живут законопослушные граждане? Совершенно очевидно, что положительного ответа на поставленный вопрос не может быть в принципе. Преступник не должен жить лучше, чем законопослушный гражданин.

Вопрос нужно ставить иначе: должны ли для заключенных создаваться условия, стирающие грань между жизнью в тюрьме и жизнью на свободе? Положительный ответ на этот вопрос мог бы быть возможен только в одном случае. Если такие условия способствуют достижению основной цели наказания – предупреждению совершения новых преступлений, то, безусловно, да.

Обнаружить в авторитетных источниках данные, подтверждающие указанную зависимость, не удалось. Вместе с тем в газете Guardian была опубликована статья о тюремной системе Норвегии, в которой утверждается, что уровень рецидивов в тюрьме Bastoy составляет приблизительно 16%, и в Европе он самый низ-

кий, в то время как в США в настоящее время он равен примерно 40% [10].

Здесь хочется вспомнить Станиславского и сказать: «Не верю». Даже если приведенный процент рецидива соответствует действительности, то обусловлено это в значительной степени не только и не столько «комфортными» условиями содержания, сколько целой совокупностью иных факторов.

В данном случае уместной видится следующая аналогия. Те, кому нравится проводить время в домах отдыха, профилакториях, вполне естественно спустя некоторое время вновь захотят побывать там. Преступник не должен желать по аналогичной причине снова попасть в тюрьму.

В заключение еще раз следует обратить внимание на сложность поставленной проблемы, необходимость проведения глубоких комплексных научных исследований и последующую реализацию сформулированных рекомендаций в плане не только совершенствования действующего законодательства и правоприменительной практики, но и осуществления всего комплекса мер (экономических, политических, социальных и иных), способных кардинально изменить ситуацию к лучшему.

Список литературы

1. Энциклопедия пенитенциарного права / Под общ. ред. Р.А. Ромашова. Самарский юридический институт ФСИН России, 2013.
2. Уголовное право России. Общая часть / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 2004.
3. Толстик В.А. От плюрализма правопонимания к борьбе за содержание права // Государство и право. 2004. № 9.
4. Толстик В.А., Трусов Н.А. Борьба за содержание права: Монография. Н. Новгород, 2008. 202 с.
5. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 8. М.: Изд-во политической литературы. С. 531.
6. Уголовное право России. Общая часть. Т. 2 / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 2002. С. 24.
7. Состояние преступности за январь – сентябрь 2017 года. <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762/item/11341800/> (дата обращения: 3.11.2017).
8. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1911. С. 629–644.
9. Шаргородский М.Д. Наказание, его цели и эффективность. Л., 1973. С. 32.
10. Кэмерон Б. Почему в норвежских тюрьмах сидят не дольше 21 года? http://inosmi.ru/slate_msn_com/20130511/208872026.html?id=208883955

**ON THE ISSUE OF CONTRADICTORY GOALS AND PRINCIPLES OF LEGAL RESPONSIBILITY
(PUNISHMENT)**

V.A. Tolstik

The article examines the inconsistency in the modern Russian legislation and the domestic legal doctrine in relation to the goals and principles of legal responsibility (punishment). We analyze some contradictions both within the purposes and principles of legal responsibility, and between these phenomena. Some ways to resolve them are proposed.

Keywords: legal responsibility, punishment, goals, principles, prevention, correction, justice, humanism.

References

1. Ehnciklopediya penitenciarnogo prava / Pod obshch. red. R.A. Romashova. Samarskij juridicheskij institut FSIN Rossii, 2013.
2. Uголовное право Rossii. Obshchaya chast' / Pod red. N.F. Kuznecovoj, I.M. Tyazhkovoj. M., 2004.
3. Tolstik V.A. Ot plyuralizma pravoponimaniya k bor'be za sodержanie prava // Gosudarstvo i pravo. 2004. № 9.
4. Tolstik V.A., Trusov N.A. Bor'ba za sodержanie prava: Monografiya. N. Novgorod, 2008. 202 s.
5. Marks K. i Ehngel's F. Soch. T. 8. M.: Izd-vo politicheskoy literatury. S. 531.

6. Uголовное право Rossii. Obshchaya chast'. T. 2 / Pod red. N.F. Kuznecovoj, I.M. Tyazhkovoj. M., 2002. S. 24.
7. Sostoyanie prestupnosti za yanvar' – sentyabr' 2017 goda. <https://xn--b1aew.xn--plai/folder/101762/item/11341800/> (data obrashcheniya: 3.11.2017).
8. Shershenevich G.F. Obshchaya teoriya prava. M., 1911. S. 629–644.
9. Shargorodskij M.D. Nakazanie, ego celi i ehffektivnost'. L., 1973. S. 32.
10. Kehmeron B. Pochemu v norvezhskih tyur'mah sidyat ne dol'she 21 goda? http://inosmi.ru/slate_msn_com/20130511/208872026.html?id=208883955